

Цзинь Гуанъяо не дожидаясь отказа Цзи Тина начал рассказывать:

— Когда-то давно была пара влюблённых, которые выросли вместе. Но другой мужчина влюбился в эту девушку и, затаив злобу, убил её возлюбленного. Однако он боялся, что после смерти тот мужчина вернётся, чтобы отомстить, поэтому нанял даоса, чтобы тот запечатал душу убитого под землёй, обрекая его на вечные страдания без возможности переродиться. В конце концов, этот мужчина добился своего и женился на девушке, и они зажили вместе. Но, к сожалению, девушка так и не узнала, что её супруг — убийца человека, которого она любила. Ах, как жаль, как жаль. Она вышла замуж за человека, который хуже скота.

Лицо Цзи Тина становилось всё мрачнее, вены на руках вздулись, а глаза широко раскрылись. Внезапно он усмехнулся:

— Хм, история, рассказанная господином Се, действительно интересна. Раз уж вы закончили, то можете уходить. Сегодня я вас не задерживаю. Ах, да, раз невеста уже мертва, то нет нужды беспокоить господина Ланя и господина Се для поимки того существа. На этом всё.

— Господин Цзи, вы нас выгоняете?

— Господин Се, вы действительно понимающий человек.

Цзинь Гуанъяо слегка прищурил глаза, уголки его губ приподнялись, и он поднялся с места:

— Тогда мы не будем вас беспокоить.

Он развернулся и вышел. Как только они оказались за воротами, они не оглядываясь продолжили путь.

Цзинь Гуанъяо спросил:

— Там за дверью была Цзиньмин?

— Да, она всё слышала.

Цзинь Гуанъяо вздохнул:

— Ах, не знаю, правильно ли я поступил.

— Если бы ты не сказал, разве она бы всю жизнь прожила в неведении, рядом с человеком, которого должна ненавидеть? Это не твоя вина.

— Хех, Лань Сичэнь, иногда лучше оставаться в неведении. Хотя бы можно сохранить видимость счастья и спокойствия. Как только правда раскрывается, всё уже никогда не будет прежним.

Лань Сичэнь сжал кулаки, его голос стал хриплым:

— Действительно, никогда?

— Как это может быть прежним?

Разве что он готов отпустить всё.

Они прошли уже довольно далеко, но как только они покинули усадьбу Цзи, почувствовали, что за ними следят, и людей было немало.

Лань Сичэнь сказал:

— Примерно сорок человек. Подожди тут, я разберусь с ними.

— Сорок человек? Похоже, они выслали всех, кто был в усадьбе. Ладно, старайся не переусердствовать, они не выдержат твоего удара.

— Да, я знаю.

Сказав это, он развернулся, и в следующий момент Цзинь Гуанъяо услышал издали душераздирающие крики. Всё закончилось очень быстро, и Лань Сичэнь вернулся, его белые одежды остались безупречно чистыми, даже обувь не была запачкана.

— Пойдём, переночуем в гостинице, а завтра разберёмся с духом.

Цзинь Гуанъяо удивился:

— Гостиница? Лань Сичэнь, ты же знаешь, что за гостиницу нужно платить. У тебя есть всё, кроме денег. Твой Мешок Неба и Земли такой большой, но в нём нет ни одной монеты. Как ты вообще можешь предлагать остановиться в гостинице?

Едва он закончил, Лань Сичэнь бросил ему тяжёлый мешок и уже уходил. Цзинь Гуанъяо поймал его, ощупал и с удивлением открыл. Внутри были серебряные монеты, которых хватило бы на месяц беззаботной жизни. Обрадовавшись, он поспешил за Лань Сичэнем.

— Лань Сичэнь, подожди меня...

Эти деньги он взял у младших перед отъездом, так как они с четырьмя другими были без гроша.

Они нашли неплохую гостиницу, поужинали и отправились в свои комнаты, чтобы отдохнуть.

На следующее утро они спустились вниз, заказали немного булочек и закусок. Цзинь Гуанъяо, набив щёки, торопливо ел, в то время как Лань Сичэнь ел медленно, наслаждаясь процессом, словно наблюдая за ним, он уже насытился.

Лань Сичэнь заметил, как быстро он ест, и предупредил:

— Ешь медленнее, не торопись, а то подавишься.

Цзинь Гуанъяо не ответил, только кивнул.

В этот момент несколько человек за соседним столиком заговорили:

— Эй, вы слышали? Цзи Тин умер.

Услышав это, Цзинь Гуанъяо остановился, а Лань Сичэнь положил булочку.

— Цзи Тин? Владелец парфюмерной мастерской?

— Именно он.

— Как он умер? У него же столько денег, неужели его ограбили?

— Нет, он покончил с собой.

— Самоубийство?! Как это возможно? У него столько денег, и такая красивая жена, что ему не хватало?

— Не знаю. Говорят, он оставил прощальное письмо, передав мастерскую и всё своё имущество жене.

— Значит, его жена теперь богата?

— Богата? Его жена пропала.

Цзинь Гуанъяо и Лань Сичэнь, поражённые, встали и поспешили в усадьбу Цзи.

Когда они прибыли, усадьба была в полном хаосе. Слуги разбегались, грабили, и некогда процветающая усадьба за одну ночь превратилась в руины.

Лань Сичэнь и Цзинь Гуанъяо нашли место, где умер Цзи Тин. Он лежал на кровати, руки

сложены на животе, с улыбкой облегчения на лице. В груди у него был воткнут кинжал, лезвие которого пронзило сердце на две трети.

Цзинь Гуанъяо осмотрел его и заметил, что кинжал был слегка наклонён вниз.

— Убийство. Скорее всего, это сделал кто-то ниже его ростом, так как, пытаясь достать, он наклонил кинжал, и рукоять опустилась.

— Это была Цзиньмин.

— Она убила его, чтобы отомстить за Лян Е.

Цзинь Гуанъяо подошёл к столу, на котором лежало письмо. На нём были следы крови, а почерк был неровным, видимо, рука дрожала. Прочитав письмо, он осторожно положил его обратно.

Затем они покинули усадьбу.

Лань Сичэнь спросил:

— Куда, по-твоему, ушла Цзиньмин?

— К Голубой жакаранде.

Они поспешили туда, но, когда прибыли, было уже поздно. Вокруг Голубой жакаранды бушевал пожар, пламя поднималось высоко, образуя стену огня. Деревенские, боясь, что огонь распространится, поспешили тушить его. После долгих усилий огонь был потушен, и все увидели, что у дерева лежит тело, обвитое ветвями.

Деревенские сказали, что это дерево удерживало её, не давая сбежать, и она умерла в огне.

Цзинь Гуанъяо усмехнулся, покачав головой, смеясь над их непониманием.

Тело, несомненно, принадлежало Цзиньмин, а ветви, обвивавшие её, были Лян Е, но не для того, чтобы удержать, а чтобы защитить.

Затем они вернулись в дом Гэн Ба, чтобы поблагодарить их.

На пути Цзинь Гуанъяо чувствовал, что что-то упустил, но не мог понять, что именно.

Лань Сичэнь спросил:

— Цзи Тин так любил Цзиньмин, что ради неё мог написать прощальное письмо. Почему же он женился?

Цзинь Гуанъяо был поражён:

— Действительно, почему? Он ради неё был готов отдать жизнь, как мог он позволить ей страдать и взять в жёны другую?

Цзинь Гуанъяо вспомнил, как он проверял пульс Цзиньмин, и ощутил в ней тяжёлую ауру смерти, которая говорила о том, что она не проживёт долго. Невест было пятеро, все примерно одного возраста, и Цзи Тин, конечно, не хотел огорчать Цзиньмин, но он не мог позволить ей узнать. В его голове возникла ужасная мысль, и он схватил Лань Сичэня за руку, поспешив в Деревню Жакаранды.

— Пошли, кажется, я понял.

Вскоре они прибыли в дом Гэн Ба и увидели, как Гэн Фан сжигает бумагу.

Цзинь Гуанъяо подошёл и спросил:

— Госпожа Гэн, кому вы сжигаете бумагу?

Гэн Фан вытерла слёзы и ответила:

— Я сжигаю бумагу для Сяолин. Мы с ней одного возраста, и у нас один день рождения, она старше меня всего на час. Мы всегда были очень близки, но теперь она... она...

Цзинь Гуанъяо похлопал её по плечу, утешил и поблагодарил Гэн Ба и его жену, затем отправился к старосте деревни.

Лань Сичэнь, недоумевая, спросил:

— Ты так спешил, что-то обнаружил?

— Пока не уверен, но, думаю, после разговора со старостой всё прояснится.

<http://bllate.org/book/15301/1350141>